

И Н Т Р И Г А

Лада Лузина

МОЙ ТРУП

Р О М А Н

Рисунки Лады Лузиной

Харьков
«Фолио»
2013

Я хочу верить тебе
одну тайну, одному тебе,
потому что я тебя очень
люблю. У смерти только
одно достоинство, но об
этом никому не известно.
Она добра, она ужасающе
добра... только смерть
настоящий друг.

Жан Ануй. «Эвридика»

Я проснулась. Мой нос сползал с плоского края подушки, упираясь в нечто твердое — мой дневник.

Просыпаться не хотелось. Жить тоже. Хотелось проспать всю свою жизнь и проснуться только для того, чтоб умереть. Но это было привычное чувство.

Я рывком села в кровати.

Последняя запись в дневнике, датированная 01:08 прошлой ночи, гласила:

План на 13. 07.

а) Пойти...

б) ...повеситься.

в) Если не будет настроения, попытаться еще раз начать жизнь сначала.

Вешаться настроения не было.

Проходя мимо гостиной, я безрадостно отметила размазанный по ковру салат оливье, перевернутую этажерку с треснутой ножкой и осколки бабушкиной зеленой салатницы. Пол коридора был усыпан блестками и колтунами серпантина.

Мало что вызывает такое уныние, как грязная посуда, оставшаяся после вчерашнего праздника, вещи, бывшие модными в прошлом сезоне, и люди, которых ты когда-то очень сильно любил. Но лучше уж проснуться рядом с бывшей любовью, чем посреди помойки под названьем квартира после попойки, хотя бы потому, что выставить опостылевшего любовника за дверь гораздо легче, чем мусор...

В ванной я автоматически пошлепала ладонью, пытаюсь нащупать зубную пасту, и сразу возненавидела себя окончательно. Неделю я забывала ее купить. Чистить зубы два раза в день меня намертво приучили еще в детстве, а покупать зубную пасту — не приучили. Потому два раза в сутки — утром и вечером — я рефлекторно шла в ванную, решительно брала в руку зубную щетку, в то время как вторая рука тянулась к полке под зеркалом, где лежал воображаемый тюбик, и, только коснувшись ее, вспоминала — пасты нет. То есть, конечно, в ближайшем магазине ее сколько угодно, но вчера вечером я опять забыла купить ее по дороге.

«Шо умница, шо красавица, шо пиздец».

Я уныло поставила щетку обратно в стаканчик с облезшим олимпийским Мишкой и вышла в коридор, полная омерзения к себе в целом и своим нечищеным зубам в частности. К концу недели я успела повторить ритуал восемь раз,

и мне стало казаться, что во рту у меня образовалась мини-помойка. Помойка-макси образовалась у меня в квартире.

«Новая» жизнь была такой же мерзкой, как «старая», и просыпаться окончательно, чтоб осознать это в полном объеме, катастрофически не хотелось.

«А может, все-таки повеситься?» — возможность такого исхода, как обычно, принесла утешение.

«Вы хотите убить меня? Это решит парочку моих проблем», — сказал Куилти голосом Маковецкого¹.

Я почапала в кухню, открыла холодильник, чтоб достать бутылку воды, и... проснулась.

В холодильнике сидел труп.

Его звали Андрей.

Я аккуратно прикрыла дверцу, села и попыталась определить, что я чувствую.

Ничего.

В экстремальной ситуации чувства всегда покидали меня. Ни истеричного сердцебиения, ни дрожащей пружины в желудке — бескрайняя пустота бело-зимнего поля, ни домов, ни деревьев. Я сидела на табуретке, положив руки на колени, а в моем холодильнике сидел труп. Труп Андрея — моего приятеля, актера московского театра, окончание гастролей которого мы и отмечали вчера буйной компанией. Театр улетел утром. А он остался.

Потому что он труп.

Я встала. Ног не было. Внутри было пусто, будто я проглотила кусочек вечности и теперь бесконечность пространства и времени распирает меня изнутри. Край сознания успел отметить, что я смутно надеюсь на какое-то недоразумение,

¹ В спектакле Романа Виктюка по пьесе Э. Олби «Лолита» Сергей Маковский исполнял роль Куилти.

обычный розыгрыш, на то, что сейчас Андрей откроет глаза и скажет: «Ха-ха! Ну что, попалась, подруга?»

Андрей смотрел на меня стеклянными глазами куклы. Его подбородок упирался в колени — чтобы поместиться сюда, ему пришлось крепко обхватить ноги руками. На нем были черные брюки и футболка — черные густые восточные волосы лежали на плечах. Он был на четверть узбеком, на четверть поляком, наполовину русским. Во всяком случае, он так говорил, а я никогда не спрашивала, шутка ли это.

Я наклонилась и заглянула в его удивительное спокойное лицо. Он был мертв. Однозначно мертв. Такой абсолютный покой исходит только от неодушевленных вещей.

Я снова закрыла дверь. Снова села. Закурила. Курящему человеку легче понять, что он сходит с ума, чем некурящему. Я всегда могла сосчитать, сколько шагов сделала в сторону сумасшедшего дома только по тому, как подкуриваю сигареты.

Есть несколько стадий. Первая — самая легкая и распространенная — засовываешь сигарету в рот обратной стороной и на автомате подпаливаешь фильтр. Вторую — я удовлетворенно отметила, после того как секунд пять подряд щелкала зажигалкой, прежде чем поняла: сигарету, которую я безуспешно пытаюсь подкурить, я просто забыла вставить в зубы. Третья грянула, когда, вытащив сразу две сигареты из пачки, я засунула одну из них в рот и изо всех сил старалась подкурить вторую, старательно затягиваясь первой — не зажженной. Четвертой и пятой стали два пожара — я подкурила в ресторане мундштук кальяна, а неделю назад подожгла зажатую в зубах авторучку. С тех пор, как журналист, я, наверно, могла бы претендовать на звание «горящее перо»...

Нынче же наступил мой финал. Не было сомнений, я — ненормальная, окончательно и бесповоротно, — я без промаха запихнула сигарету в рот, чиркнула спичкой, заты-

нулась и поняла, что не испытываю никаких чувств, которые положено испытывать в подобных случаях всем нормальным людям. Ни страха, ни отвращения, ни сожаления.

Ощущение было одно — остановившегося времени. И в том безвременье я сидела на кухне, опершись локтями о заляпанный высохшими лужами стол, курила и бесчувственно размышляла о том, что Андрей мертв. Он сидит в холодильнике. И даже мертвым остается таким же красивым. Вернее, мертвый он еще красивее, чем в жизни. Похож на куклу в огромной коробке, жутковато-красивую куклу в стиле «Господина Оформителя»¹.

В жизни у Андрея никогда не было такого лица. Только на сцене... Стоило ему снять грим, его черты, идеально правильные, словно господь скрупулезно прорисовал их с помощью карандаша и линейки, искажались до уровня смазливой мордашки. Мельчали, распадались, дробились. Безукоризненные линии губ расплывались в хитроватых ухмылочках. Глаза, бездонные как у «Демона» Врубеля, становились ищущими, неуверенными. В жизни он был не демоном, а мелким бесом, скачущим «мелким бесом» вокруг бесчисленных представительниц женского пола. Хоть это не мешало ему быть хорошим актером.

Еще вчера я сидела в зале и смотрела его в «Эвридике»... Господин Анри появлялся из тьмы и отряхивал сумрак с рукавов белого костюма. Его рукава напоминали крылья. Выбеленное гримом лицо было строго-печальным и сострадающе-мудрым, каждый жест, каждое слово — точными, как удар ножом. Он играл Ангела Смерти — ангела-хранителя всех утонченных неврастеников, чувствующих себя неприкаянными в невыносимо-реальном мире. Он укачивал их на руках, когда они кричали от боли, и укутывал в свои белые одежды. Там, на сцене, он был милосердным, всепонимаю-

¹ «Господин Оформитель» — фильм О. Тепцова.

щим, всепрощающим защитником всех отверженных и про-
каженных. Я страстно любила его в этой роли.

А теперь Ангел Смерти был мертв. И я не могла по-
нять, странно это или закономерно. Не могла понять своих
чувств — их не было. Я не знала, сколько я просидела вот
так, разглядывая немывтый годами розовый кафель и дере-
вянную доску с надписью «Не красна изба углами, а красна
пирогами», — час или десять минут? Не знала, сколько раз
я перечла эту надпись — два или двадцать?

Но потом я вспомнила, что время все-таки существу-
ет. Если не для меня, то для других. Оделась и пошла на ра-
боту.

Только подбегая к метро, я подумала, что нужно было
вызвать милицию.

Сбегая по длинному эскалатору:

— Извините. Извините... можно пройти... — я ловила об-
рывки чужих утренних лиц.

Мысль об Андрее в моем холодильнике сидела внутри
как секрет. Стремный, холодный, но не неприятный. Так, по
утрам, ты вспоминаешь о неоднозначном сексе, в процес-
се которого вы отошли шагов на сто влево от классической
позы миссионера.

Кстати, Андрей тоже был моим любовником. Секс с ним
был неважным. Не плохим — не имеющим значения. Андрей
был мужчиной общественного пользования, которого упо-
требляли для своих нужд все, кому не лень, — пустышкой,
балаболкой и поблядушкой. С ним можно было беззаботно
переспать, поговорить ни о чем и тут же забыть об этом.
Но я запомнила нашу первую ночь потому, что он оказался
первым и последним мужчиной, заметившим шрам на сгибе
моего локтя.